

ХАЛИЛЕЦКИЙ Георгий Георгиевич (1920-1977)

Русский советский писатель. Автор книг о Приморье и морях-тихоокеанцах. Член Союза писателей СССР с 1947 года. Заслуженный работник культуры РСФСР. В 1940-1950 годах – служил на Тихоокеанском флоте, фронтовой корреспондент газеты «Боевая Вахта». В 1950-1957 годах – Ответственный секретарь Приморского отделения Союза писателей СССР.

Родился в 1920 г. в Курске. Печататься начал ещё в школе — в Курске считался одним из ведущих деткоров областной газеты «Пионер». В 1937 году были опубликованы первые стихи молодого поэта. Работал корреспондентом курского областного отдела ТАСС, литературным сотрудником газеты «Свободный труд», корреспондент «Литературной газеты» по Курской области. В 1940 году призван на срочную службу, которую проходил краснофлотцем на Тихоокеанском флоте, где через год — в 1941 году, с началом Великой Отечественной войны, поступил на офицерские курсы, по окончании которых получил звание младшего лейтенанта, в 1943 году вступил в ВКП(б), и был принят в редакцию «Боевой Вахты» — газеты Тихоокеанского флота. В 1944 году выступил в альманахе «Советское Приморье». В августе 1945 года младший лейтенант Халилецкий выпустил свой первый сборник стихов «На Тихом океане». В августе 1945 года награждён Орденом Красной Звезды. В 1946-1947 годах вышли ещё два сборника стихов, в 1947 году принят в члены Союза писателей СССР. В августе 1949 года образовалось Приморское отделение Союза писателей РСФСР, и 29-летнего литератора, только что демобилизовавшегося в звании капитана, избрали ответственным секретарём, на этой должности работал до 1957 года, одновременно был редактором альманаха «Советское Приморье». В 1954 году выпустил первую повесть «Большое плавание», посвященную морякам-артиллеристам. Член Союза журналистов СССР, с 1957 года был собственным корреспондентом «Литературной газеты», с 1964 года — «Экономической газеты». Много ездил по Дальнему Востоку, встречался с людьми, много писал — при жизни было выпущено около 30 книг. Умер в 1977 году во Владивостоке, похоронен на Морском кладбище.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Спроси: сколько лет мне сегодня? Ей-богу, не знаю!
Вчера было двадцать. Но это же было вчера.
Стоит в пирамиде винтовка моя нарезная.
Мир кончился. В судьбы военная входит пора.

Все так же привычно до вечера драим орудья,
И ляжем с отбоем. Но только теперь не до сна.
Сказал политрук: «Мы закроем страну свою грудью».
Потом – командир: «Одним словом, ребята, - война».

Война. А у нас там, в слободке Стрелецкой,
Мать пишет, неслыханно вишни цветут.
Ну что ему, немцу, на нашей земле, на советской?
Своей не хватает? Ну что же, найдет ее тут.

Найдет! Три аршина на каждого, больше не нужно.
Все то, чего жаждал, получит убийца сполна.

...Над морем, над берегом взвыла сирена натужно.
- Готовность один!..

Нам по двадцать.

А в мире – война.

1941

КОГДА ОПУСКАЮТСЯ ЗОРИ

Когда опускаются зори
Спокойно и неторопливо,
И с берега ветер доносит
Вечерние песни земли,
На вахту в широкое море
Идут корабли из залива, –
Храня наших вод неприступность,
Всегда на чеку корабли.

Когда опускаются зори
На море, в дали пламенея,
И с ревом в прибрежные скалы
Волной ударяет прибой,
Подняв осторожные жерла,
Глядят в высоту батареи,
Чтоб встретить огнем и металлом
Всех тех, кто замыслит разбой.

Когда опускаются зори
Над дальнею хмурию таежной,
И чуткие наши дозоры
В тиши примыкают штыки, –
Над травами аэродромов
Кружат в полосе прирубежной,
Готовые взмыть по сигналу
В бездонную синь, ястребки.

Волна золотая искрится,
Соленые брызги роняя.
Плывут облака стороною,
Как песня, светлы и легки.
Приморскую нашу границу,
Богатый наш края охраняя,
Надежно встали стеною
Эскадры родной моряки.

И только фашистские своры
Завоют во тьме полуночной, –

Их встретят тотчас же достойно
И море, и берега:
Штурвалы возьмут командиры.
Рванет рукоятку замочный, –
И тысячи залпов смертельных
Обрушатся на врага!

Приди, покой. Приди и успокой –
Пусть только сном. Мечтою о дороге.
Рукою друга влажный лоб потрогай,
Погладь вихры мне женскою рукой.

У нас с утра учения опять:
«Игра» в войну, когда в огне планета,
Когда – война, когда почти все лето
Солдатам приходилось отступать.

А мне начпо твердит: – Отставить блажь!
Работай. Пой. С бойцами чисть оружие.
Уж коль мы здесь, так значит это нужно.
Возьми назад свой рапорт. Шагом марш!..

...Звук эм-бе-эр возник издалека.
Он нарастает. Он уходит к лесу.

Мы учимся. Советские войска
Позавчера оставили Одессу.
Октябрь, 1941
(МБР – морские бомбардировщики).

СЕСТРА КОМБАТА

Из тумбочек мы доставали
Все то, что имели: – Бери!
Блокадная девочка Валя
Стояла и жалась к двери.
Нарушив природы законы,
И чем она только жила?
Как будто с рублевской иконы
Она в этот кубрик сошла.
Лежало морщинками горе,
И жилка стучалась в висок.
Был как-то по-взрослому горек
Негромкий ее голосок.
Глаза – как бессонные совы.
Повис на плечах воротник...
И тонкою кистью рисован

Недетский, измученный лик.
Мы пели ей песни сначала,
Рубили чечетку потом.
Стояла она и молчала
С поджатым старушечьим ртом.
«Козу» поднимали над лбами
И сказки плели наугад.
И кто-то вдруг, скрипнув зубами,
Не выдержал больше:
-У-у, г-гад!..
1943

НАША КЛЯТВА

Над родиной – тучи свинцовые снова.
Гремит канонада войны.
Советские люди поднялись грозово
За честь, за свободу страны.
И каждый, в ком сердце горячее бьется,
К победе, и к смерти готов.
Идут пехотинцы, идут краснофлотцы
Одною стеной на врагов.
За все, что в труде добывалось веками,
За внешние зори земли,
За все, что своими воздвигли руками,
Мы в битву с фашизмом пошли.

ВНОВЬ ЛЕТЯТ КАВАЛЕРИСТЫ

*Нас водила молодость
В сабельный поход...
Э. Багрицкий.*

Эту песнь в седле качая,
Согревая на скаку,
По степному молочаю,
По горячему песку –
Эскадрон за эскадроном –
Пролетала юность в бой
По-за Волгой, по-за Доном,
По-за Тереком-рекой.

Славу дней своих великих
Подымали мы в боях
На знаменах и на пиках,
И на яростных клинках.
Если мы помчались тучей, –
Никому не устоять!
И, казалось, что лучше

Нашей доли не сыскать.

Обожженные селенья
И истоптанная рожь
Помнят горны наступленья
И атак горячих дрожь.
Перед радугой рассвета
Отступала злая мгла.
Помни, друг, – дорогой этой
Наша молодость прошла.

На страну пошли фашисты
И, привстав на стременах,
Вновь летят кавалеристы,
Сокрушая банды в прах.
Ярче молний – взблески стали,
Мчат тачанки, грохоча...
Чтобы зори снова встали –
Бей, коли, руби сплеча!

На Дальнем Востоке мы вахтою встали,
Победу в учебе куем.
Нарком обороны, учитель наш Сталин,
Тебе нашу клятву даем:
Мы будем сражаться бесстрашно, умело, –
Мы сталинской спайкой сильны,
Как Здоровцев, Жуков, Сафонов, Гастелло,
Как сотни героев войны.
Презрение к смерти рождает отвагу.
Победа и слава нас ждет.
В кровавом бою не отступим ни шагу,
Лавиной рванемся вперед.
На суше – дороги и узкие тропы,
А в море следа не найти.
Но щупают волны глаза – перископы, –
Фашистам закрыты пути.
Бандитским знаменам в Приморье не реять, –
Хранят ястребки высоту,
Не спят корабли, начеку батареи, –
Мы зорко стоим на посту.
Когда мы границы свои одевали
В железо, бетон и литье,
Как символ бессмертия мы повторяли
Любимое имя твоё.
Ты нас окружаешь отцовской заботой,
Ты с нами везде и во всем.

В рядах нерушимых советского флота
Мы сталинским курсом идем.
Рукам краснофлотцев послушны машины,
Торпеды без промаха бьют.
Пираты фашистские в темной пучине
Могилу себе обретут.
Да здоровствует дружба отваги и стали,
Геройство бесстрашных сердец!
Да здоровствует долгие годы наш Сталин
Наш вождь, командир и отец!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

И ледоход, и журавлиный клекот —
Все будет, все настанет чередом.
Как путник, что вернулся издалека,
Придет весна и постучится в дом.

Пуškai мой дом пока что не отстроен,
И пена стружек на его окне, —
У входа клен, все так же юн и строен,
Ветвями потянулся к вышине.

...Наседка квохчет... Песня у реки.
Спят на крыльце лобастые щенки.
1944

БАЛЛАДА О ЛЕТЧИКЕ

*Памяти тихоокеанца
Героя Советского Союза
Михаила Янко.*

Кто сны его хранил у изголовья,
Что были по-мальчишески чисты?
...Обуглены пропитанные кровью
Тяжелые сибирские унты.

Где та, кого он видел на рассветах,
Единственная, вечная, одна?
Страничка комсомольского билета
обагрена...

Об этой смерти известить кого нам,
чье ожиданье он унес с собой?

Лег на плечо изломанным погоном
кусочек неба, светло-голубой...

Под ним земля, пропитанная кровью,
над ним – знакомых эскадрилий гул.
И в тишине немой, у изголовья
становится бессмертье в караул.
1945

СОЛДАТСКАЯ ДУМА

Закуривай, годок,
Приморский самосадик.
Не каждый день встречаешь
На фронте земляка.
Мне вспомнились сейчас
Домишко мой и садик,
И звезды за окном,
И тихая река.
Тайги пьянящий цвет
И марево над пашней,
Где свежей бороздой
Наш труд упорный лег.
Да, в целом мире нет
Таких краев, как наши!
Нам их не позабыть...
Закуривай, годок.
В народе, говорят,
Есть давнее поверье:
Бойтся смерть того,
Кто стоек на посту.
Я знаю: день придет –
Перед знакомой дверью
С истоптанных сапог
Я пыль дорог смету.
Войду и сброшу с плеч
Походный этот ранец,
И сяду снова я
Хозяином за стол.

Нам вечно жить дано.
Как в половодье льдины
Уносит навсегда
Холодная волна,
Так эти дни пройдут.
И где сейчас руины,
Там молодость взойдет,
Могуча и вольна.

ЖАВОРОНОК

Если есть у тебя хоть немного
Сил, чтоб мести поднять клинок
Вспомни лето и эту дорогу, —
Сколько было таких дорог!
Шли обозы...
В лучах играя,
Пыль вставала вдали стеной,
А над ней — без конца, без края, —
Растекался июльский зной.
Уходили от немца люди,
От своей гибели шли.
Третий день, в орудийном гуле,
Нарастала она вдали,
Что ни день, что ни час — все ближе
Настигала она в пути.
Был лесок придорожный выжжен —
Не укрыться и не уйти.
Неумолчные пули пели,
Поднимали снаряды вой...
А над всем этим сыпал трели
Глупый жаворонок полевой.
Он внезапно упал, сраженный
Жгучей капелькою свинца, —
Изувеченный, обожженный,
Неумолкнувший до конца.
И его подняла девчонка,
И прижала его к груди,
И опять побрела сторонкой
За обозами, позади.
Мать звала ее и искала,
Увидала невдалеке.
У дороги она лежала
С мертвым жаворонком в руке.
Видно, смерть и ее навеки,
Как и жаворонка, обожгла, —
На закрытые плотно веки
Золотистая пыль легла...
Если есть у тебя хоть немного
Сил, чтоб мести клинком взмахнуть, —
Лето, жаворонка, дорогу
И убитую не забудь!

9 МАЯ 1945 ГОДА

Мы не плакали. Мы не пели.
Мы ракет в небесах не жгли.
Мы к началу на пост не успели –
Не поспели. Не подошли.

Среди ночи слепа дорога
И коварна – не то, что днем.
А к тому ж лейтенант немного
Задержал нас, сказав: – Курнем?

Мы стояли – и врать не станем, –
Просто думали о Левитане:
Столько лет был он, наш связной,
Между миром и меж войной.

А теперь вот в последний раз
Объявляет: – В последний час!..

Все придет. Только чуть позднее:
Боль и радость – за все года.
А пока лишь – тайга, и над нею
Полуночно горит звезда.

Помкомвзвода перед дорогой
Оглядел нас, как с высоты:
– Мир, он любит порядок строгий.

...Нам всю ночь проверять посты.

...И вот уже не месяцы, а годы
От этого нас отделяют дня
Окончены военные походы,
Остыла раскаленная броня.

И мирная сирень у обелиска
Раскрыла голубые лепестки,
И ветви, опустившиеся низко,
Ложатся у подножья, как венки.

И дети тех, кто сами в День Победы
Скакать могли на прутиках верхом,
В музеи к нам экскурсиями едут,
Им в нашем прошлом –
Как в лесу глухом.

Они о многом знают, наши внуки:
Не то развитие и не те года! –
Но дай им бог к той фронтовой науке
Уже не прикоснуться никогда.

Товарищей не хоронить, штыками
Копая по-январски мерзлый грунт,
На минном поле голыми руками
Не щупать смерть – вот чуть, совсем чуть-чуть...

Не спать в окопе под ночным обстрелом
В морях не гибнуть, где спасенья нет.
Пусть снег зимы всегда им будет белым,
Пусть будет розов яблоневый цвет.

Но, если все же яростью крушенья
Надвинется на мир опять война,
Пусть к их сердцам в великий миг свершенья
Музейная подхлынет тишина.

И пусть предстанут ощутимо близко,
С любым из нас по-новому родня,
И мирная сирень у обелиска,
И тот солдат у Вечного Огня.

1960